

ПУБЛИЦИСТ И ПОЭТ

Кто бывал на Алтайской краевой сельскохозяйственной выставке, тот невольно останавливался у памятника Н. М. Ядринцеву. Саркофаг из мелкозернистого гранита, изготовленный камнерезами Колывани, и возвышающаяся над ним колонна с бюстом сибирского публициста и поэта обращают на себя внимание. На колонне, кроме высеченных названий книг писателя, есть такая стихотворная надпись:

Желал бы я, чтоб в недра дорогие
Мой прах ты приняла, родимая земля!
Лежать в чужой земле,
Где люди все чужие,
Где чуждые кругом раскинуты поля,
Я не могу...

Николай Михайлович Ядринцев (Семилуженский) родился 30 октября 1842 года в городе Омске. Девятилетним мальчиком он переезжает с родителями в Томск, учится в гимназии, а затем отправляется в Петербург, где поступает в университет вольнослушателем. Здесь Н. М. Ядринцев встретился с будущим известным сибирским ученым Г. Н. Потаниным. Они организуют сибирское студенческое землячество, в которое в числе других вошел и будущий писатель-народник Н. И. Наумов. В землячестве впервые начали разрабатываться основные принципы движения, получившего впоследствии название сибирского областничества.

В конце 1863 г. Н. М. Ядринцев возвращается на родину, куда вскоре приехал и Г. Н. Потанин. Они органи-

зуют в Томске общество «Независимости Сибири», развертывают в печати и публичных выступлениях пропаганду своих идей. В прокламации общества, написанной Ядринцевым, говорилось: «В настоящее время правительство, доведя свой народ до разорения, пытается для удержания своей власти проводить реформы. Но... правительству нельзя верить: оно не друг, а злодей и палач народа! Его реформы есть низкая ложь и подлый обман!.. Общество «Независимость Сибири» обращается ко всем сибирякам с требованием начать воспитывать молодое поколение в любви к своей родине, сорганизоваться и подготовиться к решительному дню борьбы, дню мести и освобождения. Для достижения этого великого дня общество призывает всех любящих народ наш братски соединиться от Урала до Восточного океана в одну семью и идти искать свободы народной».

Мятежный и протестующий голос Ядринцева ограничился требованием «свободы народной» лишь для Сибири. Вместо объединения революционных сил для борьбы с самодержавием общество «Независимость Сибири» призывало к разобщению их, к отделению Сибири от России и образованию здесь республики. Объективно эта «идея» обрекала слабо развитую Сибирь на положение колонии агрессивных капиталистических стран, давно протягивавших свои хищные лапы к богатствам сибирских недр.

Прокламация, попавшая в руки царских властей, послужила основным обвинительным материалом против пылких областников. После «предварительного» трехлетнего заключения в Омском остроге они предстали перед военным судом, состоявшимся в июне 1868 года в Омске. Н. М. Ядринцев был приговорен к ссылке, которую отбывал в маленьком северном городке Шенкурске Архангельской губернии до конца 1873 года. В ссылке он продолжал прерванную литературную работу и написал ряд стихотворений и публицистических статей, помещенных в либеральных и демократических журналах того времени.

Из Шенкурска Н. М. Ядринцев в 1871 году писал также находившемуся в ссылке Г. Н. Потанину: «...На ваши пельмени (речь идет о недошедшей до нас шутке Г. Н. Потанина. — Г. Р.) я только сейчас изготовил экспромт, он написан наскоро. Не пеняйте!.. Италию срав-

чивали с сапогом, я отечество предлагаю сравнить с пельменем». Вот эта «Пельменная притча»:¹

Предок наш любил пельмени,
И как с ними свел знакомство,
Сделал он пельмень огромный
В назидание потомству.
Поразил пельмень тот видом
И своей массивной грудой;
Ровно кит заморский вышел
Он пельменем чудо-юдо.
Как и следует пельменю.
Был он с длинными ушами
И лежал между Уралом
И Амура берегами.

Не угодно ли откусать?

Предложил наш предок миру
Повалил народ российский,
Повалил ко звану пиру,
Благо был пельмень пшеничный,
Начиненный вдосталь мясом
И пропитанный рассолом,
Ровно был подернут маслом.
Стали гости его кушать
Да похваливать от сердца.
Даже жарить принялись,
Подсыпая щедро перцем.
Ели три дня и три ночи,
Говоря: «Какая туша»!..
Ели много, ели жадно,
Не могли однако скушать:
Жидковаты они были,
Не хватило у них духу.
Тот пельмень мог уместиться
Лишь купцам сибирским в брюхо.
Но на пире этом званом
Только избранные были,
А сибирские желудки
Почему-то позабыли.

Протестуя против того, что сибирские желудки были забыты при дележе сибирского пельменя, Ядринцев вы-

¹ Из переписки, опубликованной в «Сибирских записках», 1916.

ражал чаяния молодой сибирской буржуазии, боявшейся конкурентов и желавшей самостоятельно эксплуатировать богатства Сибири и ее трудящееся население. Отсюда и разговоры о «самобытности» Сибири, и лозунг «Сибирь для сибиряков», и стремление к свержению московского мануфактурного ига, к отделению Сибири от России.

Эти сепаратистские настроения нашли отражение в ранних стихах и первых публицистических выступлениях Н. М. Ядринцева. Но вскоре он переключает центр внимания своей деятельности на борьбу за удовлетворение культурных запросов Сибири, за создание сибирской интеллигенции путем учреждения университета. В этом он видел залог экономического и социального расцвета, возрождение духовных сил народа, приниженных политическим бесправием и непроглядной тьмой.

В одном из своих стихотворений Ядринцев формулирует свою политическую программу:

...Пустынны степи
Лучом гражданства озарить,
Разрушить умственные цепи
И человека сотворить...

О себе и своем друге Ядринцеве Г. Н. Потанин писал: «Мы видели перед собой свою родину, лишенную культурных благ, мы видели ее отсталость и хотели уравнивать ее в культурном отношении с остальными областями России. Нам хотелось, чтоб на нашей родине было равное количество школ, чтобы безопасность и удобства жизни были такие же, как и к западу от Урала, чтобы и здесь процветали и богатели города, чтобы росла сибирская интеллигенция».

В своей общественной деятельности, не ограничиваясь вопросами просвещения, Ядринцев выступает за отмену уголовной ссылки в Сибирь. Обращаясь к москвичам, он спрашивает: «Что бы вы сказали, если бы мы собрали в Сибири весь наш таежный гнус, всех наших ядовитых змей, перевезли через Урал и выпустили на ваши поля? Зачем же вы посылаете в Сибирь убийц, воров, растлителей, всю гнусь вашего общества?»

В «Сибирских мотивах»¹ Н. М. Ядринцев жаловался:

¹ Журнал «Мир божий», кн. 3 за 1895.

На родимую сторонку
Еду к празднику в село,
Но родимую дорожку
Всю-то снегом занесло.
Из ухаба да в ухабы,
Из нырка несет в нырок.
Стали лошади в канаве,
На боку лежит возок.
Ехал к сроку — не доехал.
Цел сбирался быть — избит,
— Распроклятая дорожка!
Так ящик ее язвит.
Стал обоз — глядишь, в сугробе;
На подмогу — кошева.
Сразу срезали два места:
Здесь нажива дешева!
Дорога дорожка эта,
Правят из году года,
Но проходу и проезду
Не бывает никогда.
Мужики затылок чешут.
Проезжающий — бока,
Лишь исправникам дорожка
И доходна, и гладка.

Неоднократные выступления Ядринцева и его друзей возымели действие: в Томске был открыт Сибирский университет; удалось добиться и отмены уголовной ссылки в Сибирь.

Еще живя в Шенкурске, Н. М. Ядринцев написал книгу «Русская община в тюрьме и ссылке», обратившую внимание на автора. После отбытия срока наказания он был приглашен на службу по тюремному ведомству и привлечен к разработке проектов реформы тюремного заключения и ссылки.

В 1876 году Н. М. Ядринцев возвращается в Сибирь. Здесь он сразу же окунулся в работу: выступает в местной и столичной печати как журналист и поэт, пишет книгу «Сибирь, как колония» (1882 г.), в которой развертывает широкую программу экономического и культурного развития восточных районов России. Книга эта выдержала несколько изданий. Ею заинтересовался

Л. Н. Толстой и другие русские писатели, почерпнувшие сведения о Сибири из трудов Ядринцева.

Активно участвуя в работе Западно-Сибирского отдела географического общества, Н. М. Ядринцев совершил несколько научных экспедиций на Алтай и в Монголию. Особое внимание его во время этих экспедиций привлекли вопросы колонизации края и жизнь инородцев.

В очерке «На обетованных землях», опубликованном в «Сибирском сборнике» за 1886 год, Н. М. Ядринцев писал:

«...Вот за Чаргою идет ряд хребтов, вот ущелье Чуи, Чуйские Альпы, вот вершины Катуня с вечными снегами. Дойдет переселенец до них, до этих белых вод, окрашенных песком морен, увидит эти водопады, эти неприступные скалы и ущелья, посмотрит на горных орлов. Но это ли желанные белые воды? Постоит он — и повернет назад.

...Смотря, как мыкается этот человек в поисках за новыми местами, смотря на это вечное скитанье и отыскивание чего-то — словом, озирая всю эту бродячую колонизацию, я часто задумывался и невольно спрашивал себя: «Где же лучше?» С этим вопросом стоял я среди цветущих боров на берегу Оби, на благословенных местах Карасука; его же я задавал и там, где серебрятся вершины Алтая, любуясь с высот бесконечно волнующимися горами и широкими долинами. Его я задаю и теперь: «Где же таится крестьянское счастье, под каким кустом залегло оно, под каким камнем оно запало, скрылось, притаилось?!»

Сам Ядринцев, хотя друзья его и называли «социалистом», не был ни социалистом, ни революционером. Реалистически изображая окружающую его жизнь, он в то же время не смог ответить на многие, им же поставленные вопросы, часто противоречил самому себе. Он, например, с одной стороны, ратовал против «экономического порабощения Сибири московской мануфактурой» и по существу защищал интересы сибирской буржуазии, а с другой стороны, отмечал, что «...Мироед, кулак и промышленник в Сибири нашел союз с царствовавшим здесь беззаконием и выразил гнет резче и бесцеремоннее».

Н. М. Ядринцев шел трудной и тернистой дорогой исканий, спотыкаясь и нередко ошибаясь. Но он любил свою родину и свой народ, желая им счастья.

Памятник на могиле Н. М. Ядринцева в Барнауле.

Изображая невыносимый гнет сибирской и русской действительности, он глубоко верил в счастливое будущее и обращался к читателю с такими словами:

Не печалься, недремлющий друг,
Это гады ползут пред зарею.

С болью и искренним сочувствием писал Н. М. Ядринцев: «Мы не можем относиться безучастно к судьбе инородцев в Сибири. Нельзя допустить, чтобы рядом с благосостоянием одной расы ухудшалось положение таких же людей, живущих рядом; невыгодно иметь среди развивающейся культуры в стране, тронутой этой культурой, пустыни дикарей, обреченных на бедственное состояние; несправедливо давая просвещение одной части населения, исключать другую. Наконец, невозможно допускать в крае, где усваивается цивилизация и просвещение, какое-либо унижение, рабство и эксплуатацию человеческой личности».

Свободная, всесторонне развитая личность на свободной земле — вот идеал, который видел Н. М. Ядринцев в будущем своей Отчизны.

В последние годы жизни Н. М. Ядринцев с присущим темпераментом отдается изданию известной сибирской газеты «Восточное обозрение». Организована она была в 1882 году в Петербурге, а затем издание было перенесено в Иркутск, где газета выпускалась после смерти ее основателя вплоть до 1906 года, просуществовав почти 25 лет.

Н. М. Ядринцев продолжает часто навещать Алтай. Еще из Омска он писал алтайскому краеведу и фольклористу С. И. Гуляеву в Барнаул: «Хотя пребываю в Иртышской равнине, но мои глаза обращены постоянно к синеющим вершинам Алтая, где оставлено мое сердце. Там когда-нибудь, среди раскопок, найдет его археолог будущих поколений и не знаю — узнает ли он, что это похоронено сердце бедного сибирского писателя».

Когда умерла его жена, Н. М. Ядринцев оставил основанную им газету «Восточное обозрение» и вскоре принял предложение переехать в Барнаул, где он недолго работал заведующим Алтайским статистическим бюро.

19 июня 1894 года Н. М. Ядринцев умер в Барнауле и похоронен на горе.

После смерти автора, его публицистические произведе-

дения и стихотворения не раз переиздавались. И хотя Ядринцев был идеологом сибирского областничества, современный читатель легко убедится в разнице между его воззрениями и «деятельностью» тех сибирских областников, которые в годы социалистической революции и гражданской войны оказались в лагере контрреволюции, став прислужниками Колчака и интервентов в борьбе против молодой советской республики.

Несмотря на свои ошибки, Н. М. Ядринцев оставил о себе память сибиряков. Его именем названы улицы в Барнауле и ряде других городов Сибири. Его произведения помогают советскому читателю расширить представление о некоторых существенных сторонах прошлого родного края.
